

Содержит
18+
цензуры
лексикону!

ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ ДЖИМИ ХЕНДРИКСА

БИОГРАФИЯ САМОГО
ЭКСЦЕНТРИЧНОГО
РОК-ГИТАРИСТА
ОТ ЛЕГЕНДАРНОГО

**МИКА
УОЛЛА**

Мик Уолл
Жизнь и смерть Джими
Хендрикса. Биография самого
эксцентричного рок-гитариста
от легендарного Мика Уолла
Серия «Подарочные издания. Музыка»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57547691

*Жизнь и смерть Джими Хендрикса. Биография самого эксцентричного рок-гитариста от легендарного Мика Уолла: Эксмо; Москва; 2020
ISBN 978-5-04-110776-5*

Аннотация

Это необычное психоделическое путешествие в темное сердце 60-х. В то время, как музыка становилась все отвязнее, а наркотики все тяжелее, на олимп музыкальной славы взошла новая рок-звезда. Джимми Хендрикс – виртуозный гитарист, человек-загадка, человек-легенда. Изучив солидный список книг и интервью, Мик Уолл представил свое, совершенно не похожее на других исследование жизни и смерти Джимми Хендрикса. Это не только стремление разобраться в цепочке событий, который привели к его гибели в 27 лет, но и совершенно аутентичное погружение в эпоху. Мик Уолл – ведущий музыкальный

журналист и биограф в мире рокмузыки. Автор бестселлеров «Metallica. Экстремальная биография группы», «AC/DC. В аду мне нравится больше», «Black Sabbath. Добро пожаловать в преисподнюю!» и «Последние гиганты. Полная история Guns N' Roses». *Содержит нецензурную брань.*

Содержание

Глава 1	9
Глава 2	17
Глава 3	25
Глава 4	34
Глава 5	44
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Мик Уолл

**Жизнь и смерть Джими
Хендрикса. Биография
самого эксцентричного
рок-гитариста от
легендарного Мика Уолла**

Mick Wall

TWO RIDERS WERE APPROACHING

The Life and Death of Jimi Hendrix

Copyright © Wallwrite Ltd 2019

First published by Trapeze, an imprint of The Orion
Publishing Group, London'

Редакция выражает огромную благодарность за помощь
в подготовке книги сообществу Jimi Hendrix | Keep On
Groovin'

(https://vk.com/jimi_hendrix_page).

© Семенюк О., перевод на русский язык, 2020

© ООО «Издательство «Эксмо», 2020

КОМАНДА ПРОЕКТА

ПЕРЕВОДЧИК – ОЛЕСЯ СЕМЕНЮК

«Работая над книгой о такой легендарной личности, как Джими Хендрикс, я всегда держала в голове мысли о его многочисленных фанатах, которые, несомненно, до сих пор ему безгранично преданы.

Когда уходит из жизни великий человек, это всегда остро воспринимается его поклонниками, но, когда жизнь обрывается резко и при странных обстоятельствах, вопросов появляется больше, чем ответов.

Надеюсь, в этой книге, полной различных гипотез, преданные фанаты смогут найти хотя бы некоторые ответы и ненадолго снова проникнуться жизнью и творчеством Джими Хендрикса».

ЛИТЕРАТУРНЫЙ РЕДАКТОР – ОКСАНА ПОШИВАЙЛО

«Его музыка – зеркало его жизни. Его жизнь – зеркало его музыки. И сквозь эту зеркальную призму рождается витиеватый узор его судьбы,

психоделичный, как и он сам. В начале испытываешь легкое головокружение от сочетания людей, фактов и сюжетов, плачешь и смеешься, замираешь и судорожно перескакиваешь с буквы на букву. И вдруг видишь, как калейдоскоп складывает картинки, одну за другой. Жесткие. Резкие. Быстрые. Яркие. И невероятно полные и насыщенные. Знакомьтесь, Джими Хендрикс. Свой среди чужих. Чужой среди своих».

НАУЧНЫЙ РЕДАКТОР – СВЕТЛАНА ПЕТРОВА

«С большим интересом приняла участие в работе над проектом и хотела бы поблагодарить издательство «Бомбора» за предоставленную возможность. Книга Мика Уолла, довольно спорная в определенных аспектах, безусловно станет еще одним штрихом к портрету удивительной личности Джими Хендрикса – гитарного виртуоза, композитора и поэта. Важным достоинством книги, на мой взгляд, являются свежие полноформатные интервью автора с девушкой музыканта Кэти Этчингем и звукоинженером Эдди Крамером».

КОРРЕКТОР – ОЛЬГА ШУПТА

«Как люди становятся звездами? Мальчик Джимми

из неблагополучной цветной семьи стал великим Хендриком за считанные годы. Волшебство? Магия? Удача? Наверное, это самое интересное – почему из сотен Джимми одним Джими становится не самый симпатичный, не самый популярный (мягко говоря) среди сверстников, начинающий играть на гитаре с одной струной. Заглянуть за кулисы «звездной алхимии» с биографией Джими Хендрикса – отличный вариант провести несколько часов свободного времени. А потом, конечно, включить Burning of the Midnight Lamp, или Hey Joe, или Little Wing... Волшебства в этой музыке меньше не станет, но великий рок-н-ролльщик точно будет немного ближе и понятней».

Глава 1

Два всадника

Сказал шут вору...

Джими тонет в дешевом красном вине. Вино в волосах, в легких, в глазах... Джими очистился в вине. Джими унесся прочь.

– Он все.

– Ты уверен? Убедись, блядь.

– Да, он мертв на хуй.

Сотрудники ЦРУ, МИ-6, лондонские бандиты, нью-йоркская мафия, джорди, бомбардиры, англичане, американцы, очень тяжелый трип. Двое всадников отошли от кровати, от того беспорядка, который они там устроили. Красное вино и хладнокровие, клубок потных простыней и постельного белья. Шок. Отвращение. Ужас.

– Когда блондинка вернется?

– Неважно.

– И что ты собираешься с этим делать?

– Ничего. Она знает, что делать.

Джими обмяк – полностью отъехал. Джими пришел конец. Прошлое больше не рядом.

Ранее...

Собирается тусовка. Он веселится с Филиппом, клевым сыном лорда Харви. Некоторые цыпочки в жемчугах и с акцентом английских мажорков, некоторые выглядят примерно так: сигареты с красной помадой, короткие юбки, прозрачные трусики. Джими улыбается под кайфом, как же ему хорошо; детки, я от вас тащусь.

Джими веселится. Валяет дурака с чуваками в клешах. Дай пять. «Только что вернулся в город, типа на несколько дней, увиделся со своими хорооооошими друзьями». Он выглядит спокойным, хотя внутри его распирает жар. Джими распадается на кусочки. Ищет место, где можно было бы спрятаться.

– Дружище, видал на днях «Монти Пайтона» про Министерство глупых походов? Вот угар! – Джими показывает свою версию. – Мы еще и гашик курнули, я чуть не сдох!

Все: «ХА-ХА-ХА-ХА!»

Хиппари хохочут, дергают ногами, изображая глупые походы в духе Клизы. Джими согнулся пополам от смеха, выдыхая дым. В его руке то «данхилл», то косяк, то стакан, то все одновременно. Хорошее местечко: уютная атмосфера касбы, все кольца Сатурна в дыму и легендарные ковры с золотыми нитями на потолке. В проигрывателе Смоки Робинсон... «Но пусть мое довольное выражение / Не введет вас в заблуждение...» Джими – единственный черный и единственный чувак в комнате, который по-настоящему крут. Джими хорошо в этой тусовке. Джими здесь нра-

вится. Заводные лондонские нежные белые киски с папиными деньгами и классными связями так и лезут к причудливому цветному менестрелю. Почетный человек без всяких условностей.

К Джими пристаёт блондинка, стонет, что ей очень хочется уйти. Это та, что с сильным немецким акцентом, бледным лицом и яркими стрелками. Джими буквально стряхивает ее с себя, цыпочка бесится и выбегает, хлопнув дверью.

Раздосадованный Джими выскакивает за ней. «Ты гребаная свинья!» – кричит она. Джими орет в ответ, угрожая надрать ей зад. На улицу выбегает Фил, умоляя остановиться, он боится, что кто-нибудь может вызвать копов. Но Джими продолжает истошно орать, его глаза залиты яростью. Моника довела его. Эта цыпочка бесит меня, чувак. После получаса бессмысленных разборок он сдаётся, приносит всем извинения и уезжает на такси, прихватив блондинку с собой.

Назад в Samarkand – убежище Моника, слишком маленькое, чтобы Джими мог туда переехать. Моника предлагает принять ванну или что-нибудь поесть. Джими хочет позвонить. Говорит ей, что нужно встретиться с Питом Камероном, который помогал запустить лейбл Track Records. Джими нравится болтать с ним о бизнесе, о серьезных делах. Сечешь?

Джими убедителен: Пит устраивает что-то вроде званого ужина только для своих. Моника может подбросить Джими, но ей туда нельзя. Там совсем другие люди. Понимаешь, дет-

ка?

Моника соглашается. Говорит, что понимает. Около полуночи она отвозит Джими. Он чувствует огромное облегчение, когда оказывается вдали от нее, этой обдолбанной немецкой цыпочки. Ее слишком много! Джими нужна передышка. Кроме того, Девон Уилсон – Долли Даггер – сейчас у Пита. Стелла Дуглас и Энджи Бердон тоже там, а это цыпочки, которые знают Джими. Знают его тусовку. Да не прягайся ты так. Ясно тебе?

Здесь очень круто и атмосферно. Джими рад видеть Девон. Раньше он изворачивался как мог, когда она говорила, что приедет из Нью-Йорка. «Девон, бога ради, отвали ты от меня!»

Но это было тогда, когда он встречался с Кирстен. Теперь Кирстен нет, и в его жизни появилась немецкая цыпочка. Все они претендовали на то, чтобы быть его невестами. И все притворялись, что не замечают, что Джими неискренний в отношениях. Чувак, ну ты-то видишь?

Находясь рядом, Джими снова запал на Девон, только теперь Девон ведет себя холодно. Она все еще с Джаггером – осознание этого туманит рассудок Джими.

Но здесь и Стелла – жена Алана Дугласа. Алан – новый лучший друг Джими. Тот, кто поможет ему выбраться из моря дерьма, в котором он сейчас плавает, к земле обетованной, улыбкам и миллионам долларов.

Джими доверяет Алану. Джими больше не доверяет ни-

кому. Только Алану и его женщине. Стелла, с ее бинди и умопомрачительным прикидом, ее мудрым лицом и открытой душой, не была очередной цыпочкой. Со Стеллой можно поговорить. Стелла знает людей вокруг. Никакого секса. Только любовь. Л-у-б-о-в.

То же можно сказать и об Энджи – жене Эрика – разница была лишь в том, что Энджи сидит на героине. Энджи и Девон. Ведьмы на белых конях. Энджи уже спала с Джими, множество раз. Как и Девон. Отличие лишь в том, что Девон оставалась, а Энджи предпочитала исчезать. А теперь эта девочка даже не хочет и слышать о тебе, если у тебя нет с собой сладко-коричневой пудры.

Время задвинуться. Следующая остановка – пустота.

Джими отрывается от Энджи и сосредотачивается на Девон. Болтает со Стеллой. На столе немного китайской еды. Во рту привкус курицы и риса.

Раздается звонок домофона... Джими вздрагивает. «Уф, пожалуйста, скажи ей, чтобы она оставила меня в покое...»

Стелла берет трубку и отвечает назойливой блондинке: «Приходи позже».

«Я невеста Джими. Ты ведь понимаешь, да?»

Ничего личного.

«Иди домой».

«Nein. Нет. Ты должна понять...»

Стелла вешает трубку.

Моника осталась одна снаружи. Моника плачет. Моника

сходит с ума.

Спустя десять минут снова раздается звонок. Черт... Джими расстраивается. Встревоженная Стелла возвращается к домофону и отвечает:

«Нет, подруга».

Моника рыдает, кричит, шумит. Джими смущенно извиняется перед всей компанией. Джими выходит на улицу. Он так устал от этих сцен.

Такси везет их обратно в Samarkand. Джими раздражен. Ох уж эта истеричка. Моника молчит, закуривает сигарету. Лондон накрывает предрассветный туман. Желтые мутные глаза следят за ними из заведенного Jaguar.

Майк тушит сигарету и открывает дверь машины. За ним здоровые ребята, словно из массовки «Убрать Картера», громили на подскоке. Смеются и угорают.

Они нападают сзади, когда пара открывает дверь. И начинают пиздить прежде, чем он понимает, что произошло. Бьют коленом по яйцам. Он падает, задыхаясь: «Убери эту белобрысую шлюшку».

«Съебись, нам нужно поболтать с твоим мужиком».

Смотрят на нее. Свали – сейчас же.

«Я принесу сигареты, Джими, хорошо? Я принесу сигареты из гаража...»

Парни улыбаются. Выталкивают ее за дверь.

«Эй, Майк, что за хуйня, ты чего?»

Майк молчит, его мысли витают в воздухе. Джими умо-

ляет.

«Майк, да хорош...»

Парни накидываются на него. Уткнув лицом вниз, пропи-сывают парочку хороших ударов в живот. Джими на четве-реньках. Задыхается, воет, брызжет слюной. Ему страшно и чертовски больно, чувак...

Еще пара ударов. Перевернули на спину и вцепились в кудри на затылке. Один из них поставил сумку и вытащил пару бутылок, протыкая пробки большим пальцем. Здоро-вый парень. Вино выплескивается ему на руку. Он вытирает ее о рубашку. Затем заталкивает бутылку Джими в рот. Буль, буль, буль, буль, буль...

– Мальчик хочет пить, – говорит он. Остальные скалятся в улыбке.

– Как же хорошо, что мы захватили с собой еще, – отве-чает другой. Громилы ржут.

Большой палец на пробке. Вытирает руку. Впихивает бу-тылку в рот.

Вино повсюду. Глаза Джими вылезают из орбит, руки сжимаются, он не может дышать. Вино льется из носа, в во-лосы, на кровать, на руки, которые крепко его держат.

Еще одна бутылка. Большой палец на пробке. Громила вытирает руку. Впихивает бутылку в рот. Вино везде. На гру-ди и руках, на губах, в глазах. Все происходит на самом де-ле. Не может быть. Это реальный пиздец. Да ну на хер. Они ржут.

Затем экран тухнет, сжимаясь в мелкую белую точку...
сначала быстро, потом медленно... медленно... сжимаясь
в...

Пустоту. Глубокую, черную, тяжелую...

Пустоту.

Глава 2

Люсиль и Эл

В ту ночь, когда он родился, луна шла на убыль, скользая от Рака ко Льву, от живота к сердцу, от семени к крови.

Мама была ангельски-прекрасной, ей только что исполнилось семнадцать. Папа был весь на нервах и сидел в армейской тюрьме.

Восемь месяцев назад Люсиль Джетер вышла замуж за двадцатитрехлетнего рядового армии США Джеймса Аллена Росса Хендрикса. Через три дня Эла перевели в Форт-Ракер, штат Алабама. Когда родился ребенок, Элу отказали в увольнительной и отправили на губу. Командир сказал, что это для его же блага, зная, что парень, скорее всего, уйдет в самоволку. Эл был в ярости: всем белым сослуживцам давали отпуск.

Как и у всех американцев, их родословные были перепутаны, уничтожены, добросовестно проигнорированы. Африканские рабы, белые рабовладельцы, индейцы, последствия долгой череды изнасилований, убийств, расовой ненависти, религиозных извращений, краха надежд и господства сорняков в трещинах вековых затвердевших скал.

Со стороны Люсиль: белый дедушка-рабовладелец и черная бабушка-рабыня. Капитан и наложница, странные па-

ры встречались в девятнадцатом веке на глубоком Юге. В 1875 году у них родился мальчик, Престон Джетер, типичный мулат. После того как Престон стал свидетелем линчевания, он сбежал из Вирджинии и направился на северо-запад – считалось, что там черным жилось легче.

Да. Конечно.

Он работал на шахтах в Рослине (штат Вашингтон), затем в Ньюкасле – везде, где черный парень мог получить доллар. Ему было за сорок, когда он добрался до Сиэтла – по крайней мере, теперь впахивая над землей, в саду под солнцем, – где он и встретил маму Люсиль, Клариссу Лоусон. Кларисса была родом из конфедеративного, сегрегированного Арканзаса, из племени Чероки, которые были согнаны туда в соответствии с законом об индейском переселении 1830-х гг. Укрытая рабами, смешанных кровей, бедная, Кларисса была на девятнадцать лет моложе Престона и уже беременной после изнасилования на хлопковых полях в дельте Луизианы.

Когда ее старшие сестры предложили Престону денег, чтобы он женился на Клариссе, он назвал это чушью и сбежал. Она родила ребенка, отдала его и чуть не умерла от горя. Сестры решили вновь обратиться к Престону, повысили цену, и на этот раз он согласился. Они поженились в 1915 году и оставались женатыми до тех пор, пока Джетер не умер тридцать лет спустя. Их союз нельзя было назвать счастливым, хотя бывает ли иначе?

Они жили в Центральном районе Сиэтла – четы-

ре квадратных мили черного уличного гетто, где можно было встретить негров, китаез, краснокожих, япошек, фрицев, итальяшек, жидов, филиппинцев – всех отвергнутых белыми, униженных, растоптанных. У них были собственные газеты, школы, магазины и бары. Все, что они хотели, лишь бы не селились рядом с порядочными богобоязненными белыми людьми.

Джексон-стрит была главной улицей ночной жизни того времени. Дневные же часы в основном посвящались уборке у богачей, живущих далеко за пределами района.

У Престона и Клариссы было восемь детей, выжили шестеро. Люсиль была самой младшей. Престону перевалило за пятьдесят, когда у Клариссы обнаружили опухоль. Она выжила, но долгое время лежала в больнице. Люсиль воспитывали сестры. Но дела пошли совсем плохо, и их всех отдали на воспитание в добросердечную немецкую семью, на ферму в районе Гринлейк, где обитали только белые, а местные жители с ружьями считали их грязными отпрысками цыган.

Люсиль была светлокожей и хорошенькой, как кукла кофейного цвета, прохожие оборачивались, когда она проносилась мимо. Светлая и простая Люсиль могла бы сойти за белую, если бы захотела. Но она никогда этого не делала. Вместо этого девочка-подросток из Централ Дистрикт, которой только что исполнилось шестнадцать и которая любила танцевать, вместе со школьными друзьями отправилась в Washington Hall на выступление Фэтса Уоллера, черного

Горовица. Там она познакомилась с невысоким Элом Хендриком, амбициозным рабочим литейного цеха. Эл прекрасно танцевал. К тому же он был старше, жил поблизости и зарабатывал немного денег на развлечения. С Элом было весело.

Происхождение Эла тоже было своеобразным. Папа родился через год после окончания Гражданской войны. Мама, Фанни Хендрикс, бывшая рабыня, недавно развелась с Джефферсоном Хендриком; его отец – непреклонный белый рабовладелец, который не хотел иметь ничего общего с мальчиком, хотя мать позаботилась о том, чтобы он носил все его имена: Бертран Филандер Росс.

Россу, как он предпочитал себя называть, было сорок шесть, когда он сменил фамилию на Хендрикс. Какое-то время он служил в чикагской полиции в отделе особого назначения, потом женился и развелся, а после работал в шоу-бизнесе, был рабочим сцены в водевильной труппе Dixieland, которая путешествовала по тихоокеанскому северо-западу. Собирался жениться снова.

Зенора Норá Мур была танцовщицей и хористкой, настоящей красавицей. Ее маму – наполовину чероки, наполовину африканку – тоже звали Фанни. Ее отец Роберт был освобожденным рабом из Джорджии. Они жили хорошо, насколько это было возможно в Теннесси.

Но у Норы были мечты посерьезнее. Будучи танцовщицей, она гастролировала со своей сестрой Белл и познакоми-

лась с Россом, когда присоединилась к той же труппе актеров, музыкантов, комиков и танцоров. Когда денежный поток иссяк и труппа распалась, они остались в Сиэтле. Перспективы работы на сцене – нулевые.

Они поженились, чтобы сэкономить на арендной плате за комнату, так как ни один белый владелец пансиона не соби­рался сдавать комнату неженатой черной паре. Когда кто-то сказал, что в Канаде у цветных есть шанс найти работу, они отправились туда. По рекомендации патрона Росс получил должность дворецкого в американском клубе в Ванкувере.

Нора сменила шоу-бизнес на домашнее хозяйство и воспитание пятерых детей. Двое умерли: старший, Леон, когда ему было двадцать, и младший, Орвилл, когда ему было всего два месяца. Остались Патриция Роуз, Фрэнк и родившийся в 1919 году Джеймс Аллен Росс.

Через три года все члены семьи получили канадское гражданство. Жизнь шла своим чередом. Росс активно работал в Африканской методистской епископальной церкви и стал первым портье в недавно открывшемся гольф-клубе Quilchena Golf and Country Club, на пересечении улицы Кинг Эдуард и 33-й авеню – бывшей территории коренных народов Ванкувера.

Ему было шестьдесят девять, когда у него самопроизвольно лопнула аорта, вызвав быстрое обескровливание и смерть. Семья Хендриксов распалась.

Нора осталась на месте. Дети разлетелись. Наступила Великая депрессия, и мир перевернулся с ног на голову. Все надежды на то, чтобы Эл поступит в колледж, умерли вместе с отцом. Он бросил школу, что найти работу. Но работа была глупой и бессмысленной: обслуживание столиков в ночных забегаловках.

Вдохновленный матерью, он начал танцевать чечетку. Она всегда говорила, что шоу-бизнес был у него в крови. Его старший брат Леон, изящный как газель, показал главные шаги степа, чарльстона, линди-хопа, фокстрота, игл-рока и джорджии-гринда. Эл добавил несколько собственных движений и начал выступать на небольших концертах. Позже встретил агента. Перебрался в клубы.

Настало время джиттербага, и он у Эла тоже хорошо получался. Нора рассмеялась и сказала ему, что, когда она танцевала его двадцать лет назад, он назывался «Техасский Томми», из мюзикла *Darktown Follies*, где играли только черные актеры. Но в танцах наступила сегрегация, чтобы дать шанс белым, и у Эла все пошло наперекосяк.

Когда его приятель Эл Форд рассказал о любительских боях по двадцать пять баксов за три раунда, Эл Хендрикс заинтересовался. Невысокий, но сильный и коренастый, 147 фунтов, он пробился на соревнования «Золотые перчатки» в *Crystal Pool* в Сиэтле, где провел первый бой в полусреднем весе. Он выиграл, потом снова выиграл. Затем проиграл в финале. Ну и что? Зато заработал денег. Только в итоге его

обманули, сказали, что платят только профи. Эл вернулся в отель Moore, не в состоянии заплатить даже за чашку кофе. К слову, в Pool были только белые.

К черту это все.

Канада объявила войну Германии, и Эл поспешил в Викторию, где рассчитывал получить работу на железной дороге, но расист-руководитель не нанял его, сказав, что он «слишком мелкий». Херня. Эл спал на полу у друга и получал пару долларов за чистку обуви. В 1940 году он вернулся в Сиэтл с сорока баксами в кармане, абсолютно облажавшись.

Эл тщательно старался исправить ситуацию. Убирал квартиры. Устроился мыть посуду в черной забегаловке в гетто на Пайк-стрит. Продолжал танцевать с дамами в своем модном полосатом костюме, виртуозно раскручивая их, делая боковое сальто и перевороты через спину. Сиэтлские девочки были крупными. И Эл легко мог крутить толстушек, а высокие свободно проскальзывали у него между ног. Но единственными девушками, которые казались подходящего размера для пяти футов шести дюймов Эла¹, были белые девочки, а для такого черного парня, как он, они представляли опасность.

Когда он встретил шестнадцатилетнюю Люсиль Джетер, Эл не мог поверить своему счастью. Эта цыпочка была ниже его ростом. И умела танцевать. Ни в чем ему не уступала и даже смогла показать Элу пару-тройку движений.

¹ Пять футов шесть дюймов – 1 метр 67 сантиметров.

Отличная команда, детка.

Глава 3

Чес и Кэти

Суббота, 24 сентября 1966 года. Джимми² все еще живет по нью-йоркскому времени, он приземлился в Лондоне в 9 утра по-местному, в 4 утра для Джимми. В самолете было так много еды – филе миньон, омары – и так много выпивки – шампанское, виски и бренди, – что Джимми совсем без сил. Непривыкший к долгим перелетам и проспав всего пару часов, он ощущал неприятный запах изо рта, холодный пот на лбу. Глаза покраснели после долгой ночи.

Будучи пассажирами первого класса, он, Чес и их менеджер Терри Маквей (который был менеджером и у The Animals) первыми покинули самолет и первыми пошли на пограничный контроль. Джимми улыбался, но очень смущался. Социальная неловкость портила его ауру, заставляя чувствовать себя неуклюжим фриком. Он считал, что его цвет кожи, его американская чернота играли против него.

Терри нес футляр с гитарой Джимми. У Джимми не было разрешения на работу. История, которую придумал Чес: он профессиональный автор песен и приехал, чтобы забрать

² Верное написание «Джимми» или «Джими» зависит от периода биографии музыканта. Изначально его звали Джимми, но позже он решил убрать одну «м» из своего имени.

свой гонорар. Пограничникам это не понравилось и казалось подозрительным. Но большой белый парень в костюме, похоже, знал, о чем говорил – они слышали о The Animals, – поэтому впустили черномазого на семь дней без права на работу.

У Джимми был его новенький паспорт, джинсы и прическа в стиле Боба Дилана. Все остальные его пожитки – позаимствованный стратокастер, запасная одежда, баночка антибактериального мыла для лица Valderma (эти чертовы прыщи) и его розовые бигуди – лежали в футляре от гитары.

Оказавшись по другую сторону контроля, Джимми обрадовался, стал энергичен, возбужден, похож на неразорвавшийся фейерверк. Чес, который всю дорогу в самолете строил планы, подошел к телефонной будке и начал забрасывать монетки. Он звонил в контору The Animals и разговаривал с Трикси Салливан, ассистенткой Майка Джеффри. Трикси знала, что Чес уходит из The Animals и хочет заняться менеджментом вместе с Майком. Ей нравился Чес, она видела его таким, какой он есть: честный агент, талантливый музыкант и хороший друг. Но и понимала, что без Майка он ничто. Майк говорил Трикси: «Он особенный... крутой парень и чертовски умный».

Следующий звонок Чеса – его новой шведской подружке Лотте. Чес и Лотта забронировали номера в отеле Hyde Park Towers в Бейсуотере, в том числе и для Джимми. Чес сказал Лотте, что они приедут ближе к вечеру, после того

как немного передохнут. И попросил, чтобы она была готова. Сегодня вечером они все отправятся в The Scotch of James.

The Scotch, затерянный на мощеных улочках недалеко от Сент-Джеймс-сквер, рядом с парламентом, – один из немногих лондонских ночных клубов новой аристократии, помимо Ad Lib на Лестер-сквер, Blaises и Cromwellian в Кенсингтоне. Там отрываются пьяная молодая элита и гламурные бандиты, нахальные мачо в темных очках, плоскогрудые модницы и накачанные юные кинозвезды. После полуночи с шампанским появлялись Пол Маккартни и Мик Джаггер, окруженные светской тусовкой – Роберт Фрейзер и Дэвид Бейли, Стэш и Питер Макс, изысканно одетые девушки-богини вроде Твигги и Марианны Фейтфул, Джули Кристи и Жаклин Биссет.

Крис просит Лотту, чтобы она позвонила ребятам в The Scotch и забронировала два столика. Эта вечеринка – самое важное событие субботнего вечера в Лондоне, витрина, в которой можно выставить Джимми, даже если он не может легально выступать на публике – пока не может.

Следующий в очереди – старый пройдоха Зут Мани.

Зут – певец-органист в собственной группе The Big Roll Band, у которых совсем недавно вышел хит *Big Time Operator*. Хотя он еще не знает об этом, влияние Джимми вот-вот превратит группу Зута из обычного клубного R&B-бэнда – на ступень выше правильного милого мальчика Джорджи Фейма и чуть ниже отвязного Брайана Огера –

в недолговечный эталонно-психоделический по меркам Лета любви состав под названием Dantalian's Chariot. (Данталиан – имя мифологического Великого князя ада, который командовал тридцатью шестью легионами демонов.)

У Зута – хорошая квартира в Фулхэме. И они едут на такси из аэропорта к нему. Чес прикидывает, что сначала ответит Джимми, покурит, попьет чаю, поболтает с парнями из тусовки, а потом отправится в The Scotch. Либо так, либо сначала отвезти Джимми в отель. Одинокая спальня с одним окном, ни друзей, ни движухи, ни сигарет.

Квартира Зута – это пристанище для каждого помешанного на музыке в западном Лондоне. Чес с Джимми заскакивают около одиннадцати, Зут расслаблен. Когда Джимми видит, что вся аппаратура Big Roll Band расставлена в гостиной, он понимает, что пришел по адресу. Чес знает свое дело. Джимми со смиренным лицом спрашивает, может ли поиграть на белом телекастере Зута. Зут кивком разрешает, покачиваясь от радости предвкушения.

Джимми широко улыбается и «улетает».

Зут замер. Он слышит блюз, соул, госпел; черное и белое; он слышит чистый яркий свет. Легкость. Поцелуи, укусы, смех. Он смотрит на свою жену Ронни, она явно завелась. Она в восторге.

Джимми с застенчивым взглядом выгибается и заставляет гитару кричать в экстазе.

Ронни в шоке. Бежит наверх к своей подруге Кэти.

Много лет спустя Кэти Этчингем по телефону рассказала мне, что Ронни кричала: «Кэти! Спускайся скорее вниз! Чес привез парня из Америки, и он похож на дикаря с Борнео!»

Кэти курит, лежа в постели, и никуда не спешит. Она слышит шум внизу, но у нее нет сил спуститься, вчера вернулась бог знает во сколько. У Зута и Ронни в доме всегда полно таких дикарей. Кэти двадцать лет, она очень модная и красивая. Большие карие глаза, темные прямые волосы, Кэти работает парикмахером. Но когда она по ночам гуляет с Ронни, то иногда диджеит в Cromwellian и The Scotch.

Кэти и медовая блондинка Ронни отличная команда. Кэти – сексуальная, свободная лондонская цыпочка, Ронни – теплая, земная и верная жена Зута. Эта схема работает всегда, куда бы они ни пошли. Ронни – покровитель, но бойкая Кэти не нуждается в покровительстве. Она уже встречалась с Брайаном Джонсом и Китом Муном. Кэти большая девочка, у нее сигареты с гашишем и в губной помаде.

Кэти не торопится спускаться, и к тому моменту, как она выходит, уже слишком поздно. Чес и Джимми уходят. Ничего. Они договорились встретиться вечером в The Scotch.

Джимми хочет встретиться с Линдой Кит. На самом деле он оказался здесь именно из-за Линды. Джимми готов на все. Но Линда все еще подружка Кита. И хотя она очень рада наконец увидеть Джимми в Лондоне, и всё это благодаря ей, Линда говорит, что встретится с ним позже.

Когда Джимми появляется в тот вечер с Чесом и Лоттой, в

клубе довольно тихо. Джимми застенчив, пока не приходит его время выйти на сцену. Каждый кот в этом клубе удивленно таращится на него.

Это не дикарь с Борнео, это просто помешанный на музыке Джимми. Он здесь, чтобы показать все, что на что способен. Молодой чернокожий американский блюзмен, понимаешь? Он идет напролом. Никакого шоу, просто игра. Ураган ворвался в клуб. Небритые модники в блестящих классических костюмах не могут поверить в то, что они слышат. Хорошенькие цыпочки в мини-юбках теребят свои волосы, трепеща, как будто влюбились в этого чернокожего незнакомца.

До Джимми из Штатов здесь были только старые цветные дедушки, игравшие спокойный акустический блюз, например Биг Билл Брунзи, которому уже перевалило за пятьдесят, а значит, для той тусовки он был практически ископаемым. Или там были наглые черные чуваки вроде Мадди Уотерса, не намного моложе Билла, но однозначно страшнее. Сумасшедшие старые чудачки, которые нравились мальчикам, но девочки воротили от них носики.

И вот теперь Джимми Джеймс, молодой, красивый, застенчивый и ласковый, бормочет в микрофон милые слова. Колдует над своей гитарой, словно Пан играет на свирели на подоконнике после наступления темноты, пока мир крепко спит и видит сны.

Линда Кит сидела за своим столиком и наблюдала за происходящим со смесью восторга и страха. Она понимала:

Джимми становился звездой прямо на ее глазах. Только теперь до нее дошло, что будет дальше, и она не была уверена, что чувствует по этому поводу. Джимми был великим открытием Линды, ее близким другом. Теперь Джимми будет принадлежать всем остальным. А что же будет с ней?

Приехала Кэт – надушенные волосы, юбка в обтяжку, маниакальная энергия севера – она снова опоздала. Джимми уже закончил свое небольшое яркое выступление. Чес махнул ей, Ронни и Зуту и позвал их к столу, за которым сидели он, Джимми и остальные члены тусовки. Пододвинул стул и усадил Кэти рядом с Джимми.

Джимми обрадовался. Жестом приглашает Кэти наклониться ближе, шепчет ей: «Ты прекрасна», целует в ушко и улыбается. Потом произносит еще пару нежных фраз, глядя прямо в глаза.

Ронни, увидев это, обрадовалась за подругу и захихикала. Это чертовски разозлило Линду. Она швыряет свой стакан в Ронни. Повсюду летают тарелки и переворачиваются столы. Джимми хватается за руку, и они убегают. Чес велел им взять такси и вернуться в отель. Кэти и Джимми, смеясь, выбегают на улицу, все еще держась за руки.

Вернувшись в отель, Джимми в баре приводит ее в чувство. Застенчивый и милый, вежливый и внимательный, веселый американец. Чес уверен, что он станет звездой. Джимми весь светится, пока Кэти пытается оставаться спокойной.

Утром, лежа в постели с Кэти, он ласкает ее, держит ее за

руки, смотрит на шрамы на запястье. Джимми подпрыгивает от страха, когда дверь распахивается и в комнату врывается Линда Кит.

– Привет, детка...

Линда, не слушая, хватается гитару, которую одолжила ему, и выбегает.

«Ублюдок!»

Джимми объясняет Кэти, что все в порядке и что это цыпочка Кита Ричардса. Просто сумасшедшая девчонка. Он просит о ней забыть. Кэти не возражает – пока что. Кэти еще не знает, что между ними: приключение на одну ночь или нечто большее? Она разберется с этим позже.

Джимми обожал эту возможность открыто быть с белой цыпочкой. На родине в некоторых штатах его могли бы линчевать за это, межрасовые связи по-прежнему считались преступлением. Протестующие с лозунгом «Расовые смешения хуже коммунизма» все еще выходили митинговать всякий раз, когда нужно было что-то показать по телевизору.

Даже приятелю Фрэнка Синатры, Сэмми Дэвису-младшему, самому заслуженному «белому» человеку в шоу-бизнесе, не сошла с рук связь с белой девчонкой. После его женитьбы в 1960 году на сексуальной развязной королеве шведского кино Мэй Бритт, белые расисты пикетировали театр, где он работал, размахивая плакатами: «Вали отсюда, ниггер».

Лавина писем ненависти обрушивалась на них со всех сторон. Угрозы смерти на его концертах в Рино, Сан-Францис-

ко, Чикаго... Возле вашингтонского Lotus Club пикетировала американская нацистская партия, пока Сэмми нервно тербил свой стеклянный глаз.

Затем последовала публичная и частная критика со стороны американских негров, они обвиняли его в том, что он «Дядя Том». Заголовки газет пестрили: «Стыдно ли Сэмми, что он негр?»

Напуганный до смерти Сэмми нанял круглосуточную вооруженную охрану. Они с Мэй перестали появляться в общественных местах. И когда все же выходили, он брал с собой пистолет или трость с лезвием, спрятанным в рукоятке.

Черт, Сэмми был знаменитым чернокожим артистом. Какой шанс у бедного, никому не известного полукровки вроде Джимми? И все же Джимми и раньше трахал белых цыпочек. Но всегда строго секретно. Все происходящее здесь с Кэти, Линдой, с этими англичанками, чувак, это – что-то другое. Почти, как... свобода.

Глава 4

Маленький Фрэнк

Майк был одним из тех парней, с которыми никогда не знаешь, во что верить. Солдат, шпион, владелец клуба и любитель джаза; денежный воротила, теновой гангстер, бывший наемник. Мужчина в костюме, галстук и темных очках с диоптриями, который мало говорил, но много делал. Не тот человек, которому ты обязательно поверишь, а тот, кому ты безоговорочно доверяешь. Человек со связями на земле и под землей и с внушительным списком контактов. Он мог достать все. Южанин, работающий на севере, англичанин, свободно говорящий по-русски. Влиятельный и удачливый.

Все любили Майка. Все его ненавидели. Майку было плевать на это. Голова Майка всегда была на месте. Майк всегда держал руку на пульсе. Ростом пять футов шесть дюймов, с жутковатой улыбкой, тонкими волосами и косым пробором. Невысокий, но крепкий, он мог заполнить комнату своим присутствием. Всегда ходил в костюме и галстук, пока не связался с Джимми и не начал свои первые кислотные одиссеи, после которых Майк стал все больше походить на хиппи. Цветные рубашки. Широкий галстук. Трава. Таблетки. Шампунь для объема. Он сменил дорогих куколок на хиппи-цыпочек, поклонниц свободной любви. Модные усы.

Он по-прежнему носил пальто из верблюжьей шерсти в холодные вечера, но теперь его темные волосы касались воротника.

У Майка все получалось. Он без труда мог сбить вас со следа. Переключить на другую волну. Подкинуть протухших новостей. Профессиональный вор. Всему этому он научился, как шпион МИ-6, невидимый агент ЦРУ и как прочие вымышленные и настоящие персонажи.

Майк рассказал бы тебе свою историю так, будто она ничего не стоила. Затем бросил бы важные, страшные факты и наблюдал за бурной реакцией. Смотрел, как меняется твое лицо: интересно, а вдруг это все правда?

Ребенок понедельника Фрэнк Майкл Джефффри родился 13 марта 1933 года под знаком Рыбы. В больнице Святого Джайлса, в Пекхэме, в южной части города. Фрэнк Майк – единственный ребенок Фрэнка-старшего и Элис: почтовых служащих из сортировочной конторы Пекхэма. Жили они в старом доме с террасой. В кране только холодная вода. Длинные бельевые веревки. Любопытные соседи. Фрэнк-старший, Фрэнк-младший. Слишком сложно. Поэтому маленький Фрэнк стал просто Майком.

К тому времени, когда война разыгралась по-настоящему, семья перебралась в Кэтфорд, расположенный на окраине Лондона. Район получил название во времена охоты на ведьм, когда всех черных кошек швыряли в реку. Проходя

мимо Gothic-fronted Concert Hall, возможно, юный Майк и гадал, что там происходит. Но кинотеатр напротив был интереснее. Крутые парни в субботних фильмах: «Третий человек», «Рассчитаемся после смерти», «Белое каление»...

Может, он и хорошо учился в школе, но шла война, и всем было пофиг. Хороший спортсмен, Майк любил грубые мальчишеские игры и болтался без дела, пока ему не исполнилось шестнадцать. Чтобы угодить родителям, которые заставили его найти «приличную работу», он стал белым воротничком. Благодаря объявлению в местной газете устроился клерком в Mobil Oil в Бишопсгейте, дорога туда-обратно занимала два часа в день на автобусе номер 47. Он носил шикарный пиджак и галстук, и руки у него пачкались только тогда, когда протекала дешевая авторучка.

Лондон тогда был помойкой. Гитлеровские бомбы хорошо все разьебали. Ежедневно поднимаясь на второй этаж автобуса, Майк смотрел вниз на обломки, наблюдал за постепенным восстановлением и понимал, как ему повезло. Фрэнк и Элис делили мясо и сахар поровну, но Майк всегда получал дополнительный кусок хлеба.

Когда в 1951 году его на два года призвали на Национальную службу в армию, стало легче. Он писал домой каждую неделю. Стал ездить за границу. Встречал забавно говорящих иностранцев. Потерял девственность. Научился тому, чего не знали даже его родители.

Начал со звания рядового в 17-м учебном полку Королев-

ской артиллерии в Вулвиче. Через два месяца был переведен в учебный корпус королевской армии, уже старшим сержантом штаба. А еще через пару месяцев – инструктором в армейской школе в Харрогите.

Быстрый рост для мальчика из южного Лондона. Тогда же Британия оказалась в ловушке после того, как египтяне взяли штурмом склад НААФИ в Исмаилии. Молодого британского солдата ранили ножом, а двух египтян убили. Египетские добровольцы поспешили присоединиться к Освободительным батальонам, братья-мусульмане в Исмаилии объявили джихад против британцев. Погибло еще больше солдат, почти все новобранцы. Надо было что-то делать.

Майк был одним из шестидесяти тысяч солдат, отправленных защищать Суэцкий канал. Он оказался в Файиде и показал себя как активный участник ВТЕ, MELF (Британские войска Египта, Ближневосточные сухопутные силы). А оттуда, буквально через несколько недель, его отправили в 73-й зенитный полк Королевской артиллерии.

Это было началом конца контроля Запада над Суэцким каналом и завязкой трехлетнего Суэцкого кризиса, «забытая война забытой армии», как ее описывали историки. Никому не доверять, видеть в египтянах подчиненных, бояться невидимых снайперов и хорошо замаскированных убийц. Немногие из спешно призванных, плохо обученных британских солдат осознавали опасность.

Майк же, с «глазами на затылке» и толковой головой на

широких плечах, процветал. Он подружился с Нобби, Джоком, Джорди, Таффи, Титчем, Маком и Гленом. Встречался с несколькими девушками из Женского королевского армейского корпуса в Олд-Вик-Лидо на берегу Большого Горького озера. Он занимался дайвингом и нырял в озеро с длинной пристани. Потом шел на пляж, чтобы перекусить и выпить пару кружек холодного пива. Валялся на солнышке и прохлаждался в тени на веранде. Фотографировался рядом с двухствольной пальмой у кромки воды.

Однако обычно Майк что-нибудь придумывал и искал возможность «заработать лишний шиллинг или два». Так он обнаружил, что в Каире, недоступном для солдат, можно купить британские газеты, которые вышли всего пару дней назад, договорился с военными грузовиками, чтобы те доставляли их, а затем продавал с накруткой своим изголодавшимся по новостям товарищам на базе. Когда старший офицер узнал об афере, смысленный Майк избежал дисциплинарных мер, согласившись на сделку. Первая из многих грязных сделок, которые Майк заключит в ближайшие годы.

Затем в марте 1953 года, после того как военное министерство и Скотленд-Ярд проверили его на участие в шпионаже, ему снова повезло. Два месяца спустя Майк покинул Египет и вернулся в Лондон, где в июне 1953 года его демобилизовали.

На следующий день он вновь завербовался и продолжил службу в учебном корпусе королевской армии в звании ис-

полняющего обязанности сержанта. И сразу же начал проходить курсы безопасности на базе разведывательного корпуса в Маресфилд Барракс, недалеко от Укфилда в Сассексе, после которых его рекомендовали в Секретную разведывательную службу, сейчас известную как МИ-6. Перейдя в разведку, в сентябре 1953 года он уехал в Триест в Италии, где присоединился к Юнит 2 в Управлении безопасности Триеста, входящему в состав пятитысячного армейского подразделения ВЕТFOR (силы британского элемента в Триесте).

Вот тут-то и началась серьезная работа. Триест был важным стратегическим морским портом в Адриатическом море недалеко от восточной границы Италии, юго-восточной границы Австрии и западной границы коммунистического блока, тогда еще Югославии. Вековой оплот Австрийской империи Габсбургов после Первой мировой войны вернулся в состав Италии и оставался под фашистским контролем Муссолини на протяжении всей Второй мировой войны. С 1945 года Триест принадлежал коммунистической Югославии под управлением генерала Тито.

К тому времени, когда Майк явился на службу, Триест был объявлен свободной независимой территорией и разделен на две зоны: союзническую зону А на севере, оккупированную британскими и американскими войсками, и югославскую зону Б на юге. Триест был одной из самых беспокойных горячих точек в мире. Двадцатилетний Майк уже не был желторотым новобранцем, как два года назад. Хорошо

подготовленный офицер разведки работал в условиях, когда коммунистические агенты и агитаторы смешивались со шпионами союзников, постоянно пересекая зоны.

Основная работа Майка заключалась в проверке потенциальных перебежчиков зоны Б. Они подвергались энергичному допросу, и информация должным образом оценивалась. Специальные комнаты. Двери заперты снаружи. Угрозы. Избиения. Манипуляции. Никаких согласований. Ты просто делал свою чертову работу.

Майк также был активным членом Китайской прачечной – кодовое название неофициальной базы СИС (Секретная разведывательная служба) в Триесте. Майк никогда не был официальным агентом СИС. Никто никогда не был официальным агентом СИС или МИ-6, как они позже стали называться. Он просто «бегал по поручениям», помогал выслеживать шпионов и поддерживал связь с итальянской разведкой. Сначала по мелочи. А потом пошли и дела покрупнее.

Есть история, которую он рассказал своей подруге Дженни Кларк после того, как ушел из армии. История о том, как он участвовал в тайной операции по вывозу ценного коммунистического объекта из Югославии в контролируемый союзниками район Триеста и как во время операции ему пришлось убить югославского охранника. Это была классическая ситуация: либо я, либо он, – и теперь он сожалел об этом. Рассказал, что хранил фотографию семьи охранника, которую забрал с окровавленного тела мертвеца, обыскав его

карманы в поисках денег и ценностей.

Майк никогда не терял времени даром, никогда не позволял своим чувствам, какими бы надоедливыми они ни были, вырваться наружу и все испортить.

Как только в начале октября 1954 года было объявлено, что зона А возвращается итальянцам и что британские и американские войска немедленно выводятся из Триеста, Майк первым же самолетом вылетел домой. Когда в ноябре Управление безопасности Триеста закрылось окончательно, Майк уже глубоко погрузился в работу в Объединенной школе лингвистики армии в Бодмине, графство Корнуолл. Направление – обучение русскому языку. Как только он закончил курс в феврале 1955 года, тут же вернулся в Центр разведывательного корпуса и был назначен в Северное командование в Отдел полевой безопасности (ФСС), где служил исполняющим обязанности капрала.

ФСС занималась анализом секретной информации, собранной из множества источников, в том числе и Секретной разведывательной службы. Они работали с агентами вражеской разведки, государственными и частными сторонниками, проверенными и скрытыми коллаборационистами, осуществляли тайные аресты и допросы на высшем уровне. Проводили секретные операции. Похищали людей. Устраняли неугодных.

Майк потратил больше года на то, чтобы написать собственный отчет. К тому времени, когда он официально по-

кинул ФСС в мае 1956 года, он отслужил уже больше пяти лет. В июне того же года он был внесен в раздел Б списка резерва регулярной армии и посещал учебные курсы, чтобы восстановить так называемый «жизненный сертификат».

Как и все бывшие члены СИС, Майк никогда не говорил об этом своей семье. В компании, однако, под действием бренди и прочих допингов он становился красноречивым рассказчиком, открыто хвастаясь своими секретными армейскими подвигами. Некоторые ему верили. Некоторые – нет. Но никто не сомневался в его темном прошлом.

Много лет спустя, будучи менеджером The Animals, Майк устроил певцу Эрику Бердону, своему гостю в доме в Пальме, на Майорке, необыкновенное зрелище. Несколько линкоров Седьмого флота США были пришвартованы в порту острова, и американские моряки заполнили городские бары и клубы, многие из которых принадлежали Майку.

Все просто. В то время ВМС США пытались отыскать водородную бомбу, которая была потеряна у берегов Испании после того, как два американских самолета столкнулись в воздухе и упали в море. Как Майк узнал об этом?

«Я просто знаю немного больше», – сказал он, выпуская кольца дыма.

Ага.

Майк надел гидрокостюм, маску и дыхательный аппарат, поплыл к месту, где стоял на якоре американский флот, и установил несколько взрывных устройств. Позже в тот же

день за выпивкой в одном из прибрежных баров Майка Эрик с благоговением наблюдал, как его менеджер начал «развлекаться», детонируя взрывчатку с помощью радиоуправляемого устройства и вызывая серию необыкновенно громких взрывов среди более чем тридцати военных кораблей. Американские моряки в страхе бегали по всему берегу.

Неужели все действительно так и было? Многие из «друзей» Майка не раз вспоминали эту историю. Многие даже утверждали, что были там. Многие врал.

Было ли вообще хоть что-то правдой из того, о чем рассказывал Майк?

Глава 5

Джимми и Морис

Нью-Йорк, 8 августа 1965 года. Письмо домой папе.

Я просто хочу, чтобы ты знал, что я все еще пытаюсь добиться своего. Хотя еда у меня бывает не каждый день, все равно все хорошо. Могло бы быть хуже, но я буду продолжать бороться.

Передай всем от меня привет: Леону, бабушке, Бену, Эрни, Фрэнку, Мэри, Барбаре и так далее. Очень жду ответа. Здесь довольно одиноко. Удачи тебе и всего хорошего.

С любовью, твой сын Джимми.

В ответном письме он надеялся получить пару долларов. Но деньги не пришли. Если Эл и понимал намеки, то никогда этого не показывал, был слишком занят собственными проблемами.

Потеряв место у Литтл Ричарда, Джимми снова связался с Фэйн. Вернулся в Нью-Йорк, перебегая из одной дерьмовой гарлемской ночлежки в другую, на грани того, чтобы остаться без инструмента. Фэйн впала в бешенство, когда однажды он принес домой *Highway 61 Revisited*. Потратил наши деньги на это?

— Да ладно, детка, ты никогда не слышала Боба Дилана?

– Кого? Понятия не имею, кто такой Боб Дилан.

Джимми не мог в это поверить и упорно старался подсказать Фэйн, которая обычно знала обо всем больше, чем он.

«Это Боб Дилан, поняла?»

Фэйн смотрела на него, как все чуваки в тот раз в клубе, когда Джимми заставил их включить *Don't Think Twice, It's All Right*. Типа, это какое-то кантри-дерьмо, чувак! Фэйн ждет, когда кончится эта чертова пластинка, закуривает очередную сигарету, размахивая ногой, как кошечка хвостом. Джимми выпучил глаза, игнорируя безысходность ситуации.

«Я думала, Джимми был настолько увлечен тем, что нравится мне, что его никогда не заинтересует ничто подобное», – говорит Фэйн, сидя босиком в тени сада в 1973 году – в красном поло, белых джинсах, с большим тяжелым кулоном на груди; Фэйн такая красивая и забавная, когда ее узнаешь поближе.

«Он просто обожал все это. Я хотела встать и пойти в ванную, но он схватил меня за руки и усадил, знаешь, как будто я пропущу сейчас что-то важное, – Фэйн улыбается. – А это было просто невозможно. Джимми включал проигрыватель так громко, что его, наверное, было слышно на 42-й улице. Нас чуть не вышвырнули из-за Боба Дилана...»

Конец 1965 года. Зачем вообще кому-то нужен Боб Дилан? Когда у тебя есть Джеймс Браун *Papa's Got a Brand New Bag* (части I и II). Есть Four Tops *I Can't Help Myself*. Есть Temptations *My Girl*. У Junior Walker & The All Stars есть

Shotgun. У Джо Текса *I Want to (Do Everything to You)*. У Уилсона Пикетта *In The Midnight Hour*. *Ain't That Peculiar* у Марвина Гэя. Есть *Stop! In The Name of Love* у Supremes.

Хочешь еще, брат?

Есть *Got To Get You Off My Mind* Соломона Берка, *Shake Сэма Кука*, *The "In" Crowd* Рэми Льюиса, *The Tracks of My Tears* The Miracles, *I've Been Loving You Too Long* Отиса Реддинга, *People Get Ready* The Impressions, *Nowhere to Run* Martha and The Vandellas, *Seesaw* Дона Ковея, *Let's Move and Groove (Together)* Джонни Нэша, *Agent Double-O-Soul* Эдвины Старра.

Все еще мало?

Rescue Me Фонтеллы Басс, *We're Gonna Make It* Литтла Милтона, *Yes, I'm Ready* Барбары Мэйсон, *You've Lost That Lovin' Feelin'* The Righteous Brothers, *Nothing Can Stop Me* Джина Чендлера, *These Hands* Бобби Блэнда, *Seven Letters* Бена И. Кинга, *Treat Her Right* Roy Head and The Traits, *Twine Time* Alvin Cash & The Crawlers, *Oo Wee Baby*, *I Love You* Фредди Хьюза, *I Do Love You* Билли Стюарта, *Baby, I'm Yours* Барбары Льюис, *Hurt So Bad* Little Anthony and The Imperials, *Too Many Fish in The Sea* The Marvelettes, *Let's Do It Over* Джо Саймона, *I'll Always Love You* The Spinners...

Все это – крутые соул-хиты Америки 1965 года, а Джимми было насрать.

Он расхаживал по 110-й улице в черной ведьмовской шляпе и с прямыми волосами. Он снова тащил гитару в лом-

бард. Он перенимал сленг.

«Ты вообще цветной, ниггер?»

Джимми возвращался в свой гостиничный номер к Фэйн, включал проигрыватель с Диланом, тащился от текстов, сюрреализма; кайфовал от *So Many Roads* Джона Хэммонда-младшего; зажигал под The Stones и The Beatles; был в восторге от «британского вторжения», например от The Animals; качался под Byrds, отчаянно желая стать частью всего этого. Но не знал, как это сделать. В Гарлеме у него не было настоящих друзей.

Фэйн была плохой девочкой. Джимми был не лучше.

«Понимаешь, он не любил выделяться и был довольно робким, – вспоминал Альберт Аллен, который какое-то время жил со своим братом-близнецом Артуром в том же доме, что и Джимми с Фэйном. – Вот только Джимми всегда выделялся!»

Джимми по утрам сидел с гитарой, записывая текст на случайных страницах, пока Фэйн спала или проводила время с кем-то другим. Накуренный Джимми читал научную фантастику и думал о всяких странных космологических вещах. А потом отправлялся на работу в клуб к чернокожим музыкантам, которые презирали его за молодость, за мечты, за дерзкие выходки. Джимми хотел большего.

Фэйн ненавидела этих мерзавцев за то, как они обращались с Джимми. Даже когда они пускали его на сцену, чтобы показать, на что он способен, и дать заработать немного де-

нег, то задалбывали его советами, старые уроды.

– Они выходили с ним на сцену и просто начинали лажать. Представляешь, как это было ужасно? И он стоял в шоке, постоянно оглядываясь на них. Другие говорили, что он должен завязать. Ну, знаешь, специально внушали ему такие мысли.

Джими возвращался в номер, сел на кровать, держа на коленях конверт от *Highway 61*, скручивал косяк, смотрел на Дилана с объемными взъерошенными волосами, в темных очках, в майке и рубашке, и с выражением лица, как у Джеймса Дина. Крутил в руках пластинку, размышляя о словах: «Потом Рим и Джон выходят из бара и едут в Гарлем... сегодня мы поем о безумной банде, она скупает, владеет и управляет Фабрикой Безумия – если вы не знаете, где находится Фабрика Безумия, сделайте два шага вправо, почистите зубы и ложитесь спать...»

– Ты видишь? – спрашивает Джими. – Понимаешь, что он на самом деле имеет в виду?

– Конечно, детка, – Фэйн зевает. – Ложись спать, милый.

Джими еще не причастился к кислотным трипам, но был открыт для моря возможностей, которые он слышал в лирике Дилана, его поэзии, его вызывающей самоактуализации. Никто на самом деле не понимает, что имеет в виду Дилан, просто интуитивно воспринимая совершенно новый уровень понимания современного рок-н-ролла. Джими читал об электрическом шоу на фолк-фестивале в Ньюпорте

всего несколько недель назад, где Дилана освистали, блин, освистали, представляешь? Газеты тут же набросились на него: «Он наэлектризовал одну половину аудитории, а другую ударил током». Джимми просто в восторге от этой идеи, представляя, как делает то же самое; если бы он мог, то сделал бы то же самое.

– Детка, иди спать.

Джимми спит, прижимая гитару к груди. Фэйн хотела было убрать ее, но он открыл один глаз: «Нет, нет, нет, оставь мою гитару в покое...»

Джимми любил Фэйн. Любил так сильно, что часто плакал, а Фэйн смеялась. Каждый раз, когда Фэйн уходила от него, Джимми клялся, что никогда больше не будет страдать из-за женщины, а затем умолял ее вернуться. Во время скитаний от одной дерьмовой ночлежки к другой, где мусор накапливался вокруг них, пока не достигал небес, Джимми цеплялся за своего Дилана, свою поэзию и свои маленькие научно-фантастические книжки. Джимми все еще просто ребенок в карих глазах Фэйн, а что хорошего в жизни с незрелым мужчиной, когда вам надо выживать?

Джимми рассмеялся и не глядя подписал бумаги, которые, как он уже знал, ни хрена не стоили. Отдал свои записи в управление Генри «Джагги» Мюррею – заправила в чем-то под названием Sue Records. Sue выпускали записи черных артистов, в основном ранние вещи Дона Ковея, Айка и Тины, всякое танцевальное дерьмо. Джагги знал, что у Джимми

нет песен, которые можно использовать, но и знал, что мальчик умеет играть, поэтому подписал его, дал чек на несколько долларов и сказал, чтобы он вернулся позже.

Джимми обналичил чек и забыл о нем. Договор на два года с возможностью продлить еще на три. Эти чуваки рехнулись. У Джимми не было ни хрена. Ему не нужен менеджер. У него еще не было настоящих песен, только длинные стихи, наполовину старые английские, наполовину гарлемские уличные рифмы. Он просто взял деньги и побежал домой. На следующей неделе снова был на нуле. Джимми и Фэйн постоянно ссорились. Постоянно были не в духе. Им становилось все труднее быть вместе, особенно когда они трахали друг другу мозги в пустой комнате.

«Понимаешь, у него был дар, – объяснялась Фэйн. – В постели он тоже был изобретателен. Мог все повторить на бис... жесткий драйв и огонь напоминали его музыку. Бывали моменты, когда я чуть не ломалась пополам, как и его гитара на сцене».

В ссорах Джимми всегда проигрывал словесный поединок. Он знал, что должен уйти, но не знал, как. В конце концов он написал Фэйн письмо. «Кажется, это единственный способ выразить себя и сказать то, что я хочу сказать, без помех и не вступая в спор».

Это только ухудшило ситуацию, Фэйн рвала все письма и выбрасывала их. Джимми был раздавлен, когда Фэйн сказала ему, что вышла замуж за Артура Аллена. Артур спокойно

относился к сложившейся ситуации. Но Фэйн хотела, чтобы Джимми ушел, и после того как он услышал ее стычку с Артуром об этом, он просто свалил. Он уехал на метро со 125-й улицы на 4-ю Западную улицу, из Гарлема в Гринвич-Виллидж, уместив все свои вещи в кофре.

Вспоминая те дни позже, Джими говорил:

«Я часто ходил в клубы (Гарлема), и мои волосы тогда были очень длинными. Иногда я укладывал их так, что коты говорили: “Ах, посмотрите на него – черный Иисус”. Такое случалось даже в моем районе (города). У меня были друзья в Гарлеме, на 125-й улице, но незнакомые чуваки, старушки, девчонки, кто угодно говорили: “О, посмотрите на него. Это что, цирк приехал или что?”».

Виллидж – место, где тусовались Дилан и все эти модные белые коты, поэтическая масса. Джимми искал своих людей. Он получил шанс вписаться. Но тусовка в Виллидж была закрытой. Мало черных. Мир Café Society³, который Майлз, Трейн, Билли, Берд, Каунт, Лена, Нат Кинг и все остальные когда-то сделали своим вторым домом... остался в другой жизни. Теперь Виллидж стал белым. Терпимым к черным, конечно, но не к их музыке. Все эти танцы в унисон, чувак, да ладно тебе, песни про «любовь-любовь-любовь» и щелчки пальцами, клевая черная хрень – это стафф для обывателей.

³ Café Society – известный нью-йоркский джазовый ночной клуб.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.